

Направленность к идеальному (прекрасному) в художественных произведениях Гоголя активно реализуется через острый конфликт между духовным и телесным. Повести «Сорочинская ярмарка» и «Федор Иванович Шпонька и его тетушка» погружают читателя в стихию быта. Но если в «Сорочинской ярмарке» быт предстает ярким, красочным, завораживающим, то в повести «Федор Иванович Шпонька» он не просто затягивает человека, но и не позволяет личности, жаждущей прекрасного, вырваться за его рамки. Поэтому если «Сорочинская ярмарка» фонтанирует песнями и танцами, забавными веселыми ситуациями, а страх от чего-либо необъяснимого, запредельного для сознания человека, развеивается почти мгновенно, то обыденность, невзрачность, бессобытийность повести «Федор Иванович Шпонька» заставляет понять трагичность человеческой судьбы, невозможность приближения к идеалу.

Именно Федор Иванович, самый нелепый персонаж, видит божественную красоту мира природы: «спокойный, чистый вечер, и что за вечер! как *волен и свеж* воздух! Как тогда оживленно все: степь краснеет, синееет и горит цветами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насекомых, и от них свист, жужжание, треск и вдруг *стройный хор*; и все не молчит ни на минуту. А солнце садится и кроется. У! как свежо и хорошо!» [2, с.194]. Таким образом, очевидно, что красота у Гоголя ассоциируется с гармонией и свободой, поэтому устремленность к прекрасному, движение по пути обретения идеала воспринимается писателем как необходимость, как изначальное предназначение человека.

ЛИТЕРАТУРА

1 Топорков, А.Л. Дом / А.Л. Топорков // Славянская мифология. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

2 Гоголь, Н.В. Избранные сочинения: в 2 т. / Н.В. Гоголь. – Т. 1. – М.: Худож. литер., 1978. – 574 с.

3 Виролайнен, М.А. Исторические метаморфозы русской словесности / М.А. Виролайнен. – СПб.: Амфора, 2007. – 495 с.

Т.П. Целехович (Беларусь)

УРОКИ ГОГОЛЯ

Чему сегодня может научить Гоголь? Кому интересен Пасичник Рудый Панько? Пожалуй, только переводчикам писателя на украинский язык... Или на белорусский. В зависимости от региона. Кто, кроме умаявшегося в экзаменационную страду студента-филолога, осилит первую главу «Мертвых душ» или удостоверится хотя бы, что бричка человека средних лет доехала-таки до назначенного места? Или в никуда. В зависимости от интерпретации. В наш суетливый век бричка Чичикова кажется жалкой и неуместной. Но она таит в себе некую притягательную силу, как и ее сочинитель, загадочный Карла, Никоша, раб Божий.

Гоголь, который хотел уйти в монастырь. Гоголь-постник и молитвенник. Святой. Такой Гоголь люб в контексте «Православие и русская литература». Здесь он – свой. Еще одно великое имя в перечне тех, кто верил.

У каждого свой Гоголь. Мой Гоголь – тот, который брал из протянутых рук маленькой девочки землянику. Девочку он встретил по дороге в Оптину пустынь. Он тогда был крайне измучен от мнительности и самоуничужения. Он спросил, сколько должен за ягоду. И девочка удивилась: «Как можно брать со странных людей?» И писатель разрыдался тогда, как ребенок. Этот плачущий странник, полумонах, полупут. Станный человек. Мой Гоголь. О котором вся «просвещенная Москва» говорила: «Сошел с ума!». Больной Гоголь. Он чувствовал, что устроен не так, как все. Он прислушивался к своему телу, что проявлялось не только в коллекционировании и примеривании сапог. Он лечился от болезней, «жала в плоти» (2Кор.12:7), которое было понятно ему одному.

Странный – это и странник. Как писатель-христианин, Гоголь понимал, что земная жизнь дана человеку, как испытание, некий путь – подготовка себя к вечной жизни. В известном романе Г.Сенкевича есть момент, когда усталого от долгого знойного пути персонажа останавливает Кто-то родной и великий и спрашивает: «Куда идешь?». Гоголь не убежал от ответа. Он искал дорогу в Царствие Небесное, где его слезы утрут и раны залечат. И к вратам этого Царствия он хотел принести свой бесценный дар – дар слова, приумноженный, не растроченный напрасно. Искусство – свято. И нельзя писать о мирском: только то произведение достойно существовать, которое духовно наставляет человека. «Показать ясно как день, пути и дороги ко Христу для каждого» – таким Гоголь видел предназначение своей литературной деятельности. Отречение от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» по причине демонического их содержания, запрет друзьям читать «Мертвые души» во время поста, мучительная история написания второго тома поэмы, – сам литературный процесс для Гоголя был ритуалом: написание стоя за конторкой, переписывание по восемь раз. В стремлении преодолеть в себе человека, писателя.

«Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии» (из записной книжки Гоголя) [1, с. 501]. И это – конец творчества, отказ от свободы художника. Это результат неудавшегося отождествления себя с духовными авторами; это крик бессилия в создании аналогии или чего-то близкого по Духу к текстам Священного Писания и творениям святых отцов.

Даже для включивших имя Гоголя в православные диптихи характерно некое сожаление: все же не ушел в монастырь, не завершил «дело жизни», не дописал поэму, сжег, и, наконец, по собственному отчаянному признанию, был побежден – слабость свойственна и великим «мира сего». Для почитателей творчества писателя надежду в том, что он оправдался в главном, заключает обетование Спасителя: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин 14:2).

Чему сегодня может научить Гоголь? Не бояться быть смешными Христа ради. Проповедовать на всяком месте, как учит апостол Павел: будьте миссионерами. А гоголевская запись вторит: «Делайте каждый свое дело, молясь в тишине». Нам, стыдящимся поделиться с ближним радостью евангельской любви, судьба Гоголя предстает как немой укор.

О Гоголе можно сказать: он сделал себя сам. Не уйдя в монастырь и не создав семью, он сумел организовать собственную модель личного бытия, где было место и Богу, и друзьям. Последний период жизни носил печать монастырского уклада: долгие стояния на службах, молитва и изнурительный пост.

Жизнь Гоголя – это урок и для священников. «Меня будут ругать за Гоголя», – предсказывал о. Матфей. Слово может убить. Слово авторитетного духовного отца тем паче. У отца Матфея было свое оправдание: Гоголь – болел писательством, его душу надо было спасти, излечить, а для этого нужно было обратиться писателя к переосмыслению светского искусства, «поворотить во внутреннюю жизнь». Гоголь считал отца Матфея духовником, знающим его душу больше, чем он сам. Отец Матфей не скрывал от писателя сомнений по поводу возможности спасения для этой души: «Боюсь что-то я за вас – не сборол бы вас общий враг наш. Но и чувствую вместе с тем какую-то надежду, и вы не посрамитесь пред Господом в день явления Славы Его» [Цит. по 2, с.111]. Для мнительного Гоголя подобных опасений и надежд авторитетного для него святого отца было более чем достаточно, чтобы отречься не только от восхищения Пушкиным, но и от себя.

Библейская цитата: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:21) в узком понимании есть орудие для осуждения любого занятия человека, а особенно того, которому он отдается целиком: главным образом науке или искусству. И этично ли, и возможно ли, не ведая глубины сердца человеческого, дерзать сравнивать степень веры и любви к Богу ученого, писателя, рок-музыканта или алтарника? Гоголь – пример неудавшегося диалога между творческой интеллигенцией и представителями церкви, которые оказались не готовы к разговору о значении светского искусства, как и всякому другому занятию человека в миру.

Что оставил Гоголь после себя в мире? Шубу, старые пальто, холстинные простыни, носки, носовые платки, карманные часы, книги, – в целом «имущество покойного Николая Васильевича Гоголя составляло стоимость в 43 рубля 88 копеек серебром» [1, с.522]. С собой же он унес драгоценность, цену которой при жизни стал постепенно забывать, а потом и вовсе решил запрятать подальше, уничтожить. Но свойство этого предмета было таково, что он не мог существовать отдельно от своего владельца, – так и ушли вместе... «Не тем путем, по которому идут все, а тем, по которому должно идти» (Сенека).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Золотусский, И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – 4-е изд. – М.: Мол.гвардия, 2005. – 485 с.
- 2 Воропаев, В. А. Гоголь над страницами духовных книг: Научно-популярные очерки / В.А. Воропаев.— М.: Макариевский фонд, 2002.— 208 с.

А.Ф. Березко (Беларусь)

ЖАНР ИСПОВЕДИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

В многовековой истории жанра исповеди есть произведение, аналогов которому по сложности его судьбы найти практически невозможно. Речь идет о «несчастной книге» (по определению А. Блока) русской литературы – «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Почти 150 лет это гениальное произведение считалось реакционным и не имеющим литературных достоинств. И лишь в конце XX века «Выбранные места из переписки с друзьями» усилиями таких исследователей как В. Воропаев, И. Виноградов, Ю. Барабаш, П. Михед, были оценены по достоинству.

Вопрос жанровой идентификации «Выбранных мест...» – один из самых сложных и дискуссионных в гоголеведении. Традиционно выделяют два основных подхода: одни литературоведы рассматривают гоголевскую книгу «как произведение с публицистическим потенциалом, положившее начало традиции «открытого личного документа» в русской литературе XIX в., в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского» [1, с.116] (Р. Поддубная), другие – классифицируют ее как синтез христианских жанров исповеди и проповеди (В. Воропаев, И. Виноградов). Основополагающим критерием в решении данной проблемы нам представляется мнение самого Н.В. Гоголя, который называл «Выбранные места...» «исповедью человека, который провел несколько лет внутри себя» [2, с.280]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что книга Н.В. Гоголя – это исповедь особого рода, обладающая своими специфическими особенностями, которые выделяют ее из общего ряда произведений данного жанра.

Обращение Н.В. Гоголя к жанру исповеди нельзя считать случайностью, поскольку исповедальные нотки звучат во многих других его произведениях (наиболее отчетливо в лирических отступлениях «Мертвых душ»). Как полагал П. Михед, «есть много свидетельств того, что Гоголь высоко ценил исповедь в качестве главного содержания искусства» [3, с.200]. Писатель активно отстаивал право существования исповеди в русской литературе, стремясь разрушить у читающей публики негативное представление о данном литературном жанре: «Есть еще старое поверье, что пред публикою нужно более скрыть, чем выставить слабые стороны, что это охлаждает читателей, отгоняет покупателей. Это неправда. Голос благородного беспристрастия долговечней и доходит равно во все души» [4, II, с.291]. На закономерность возникновения исповедального жанра в творчестве Н.В. Гоголя косвенно указывают следующие слова, содержащиеся в одном из его писем: «Я уже давно питал мысль – выставить на вид свою личность» [4, II, с.364].

Н.В.Гоголь ощущал острую потребность в создании собственного исповедального произведения. Тяга к исповеди была настолько сильной, что не позволяла продолжить работу над вторым томом «Мертвых душ», появления которого ждала публика. Чтобы понять, какой тяжкой ношей лежала на душе Н.В.Гоголя нужда в исповеди, необходимо обратиться к письму писателя к М.П. Погодину, в котором он подробно описывал свое